

ОТ КРИЗИСА ОБРАЗОВ БУДУЩЕГО К НОВОМУ ОБРАЗУ СОЦИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Виктор Щербина

доктор социологических наук, профессор,
эксперт SG SOFIA

«Я не хочу, чтобы мой дом был обнесен со всех сторон забором и чтобы мои окна были наглухо заколочены. Я хочу, чтобы культура всех стран максимально свободно проникала в мой дом. Но я не желаю, чтобы при этом меня сбивали с ног» - Махатма Ганди

2020 год в текущей истории, возможно, станет «годом великого перелома» - в его начале произошел ряд знаковых событий, а в его протяжении обозначено решение множества проблем, вызревавших на протяжении достаточно длительного периода.

Выступавшие на Всемирном экономическом форуме в Давосе вновь обозначили основные тренды для всего мира - новые технологии, борьбу с изменением климата, развитие бизнеса, рынок труда и урегулирование военных конфликтов. **При этом проя-**

вилось, что некоторые утвердившиеся ранее в социальном мышлении образы происходящих социальных процессов оказались под фундаментальным сомнением, а некоторые выступили обоснованием открытого политического противоречия глобального уровня.

Так, прошедший форум проявил, что изменилось видение концептуальных подходов к формированию экономической политики во многих странах, где происходит продолжительное замедление темпов роста – в Китае, Индии, Африке и Латинской Америке. Еще недавно для развивающихся стран было готовое теоретическое решение, так называемый Вашингтонский консенсус – стратегия развития путем макроэкономической стабилизации, приватизации, дерегулирования и глобализации. Сегодня многие эксперты сомневаются в том, сработала ли эта концепция и каковы её реальные результаты. В этих странах действуют устойчивые тренды: удерживаются медленные темпы роста экономики, развивается катастрофическое для социальной стабильности неравенство, усиливаются трудности формирования среднего класса, происходит спад социальной мобильности. Как реакция на это в западной экономической мысли возникли два новых концептуальных видения, которые могут прийти на смену Вашингтонскому консенсусу. Первое, отрицающее неолиберальные подходы, рассматривает приоритет потребностей развития рынков в развитии стран как весьма сомнительную стратегию. Сторонники этого подхода предполагают расширение роли государства, которое должно просто улучшать результаты, генерируемые рынком – повышать минимальных зарплаты, следить за соблюдением антимонопольных правил, исправлять усилившееся неравенство с помощью активных мер по

перераспределению доходов. Этот подход предполагает также проведение более активной бюджетной и монетарной политики в краткосрочной перспективе.

Второй подход исходит из того, что изменения в политике на самом деле не очень влияют на экономический рост, поэтому в государственной политике необходимо следовать стратегии «малых дел», занимаясь вопросами, приносящих пользу на местном уровне.

Существенным недостатком этого постнеолиберального подхода является навязываемая дихотомия – государство и рынок. Когда слабы и государство, и рынок политическая повестка с акцентом на усиление роли государства может отказаться нереалистичной. Также в постнеолиберальном консенсусе есть также новый, критически важный аспект – изменение климата. Он создает проблемы с тем, что призывы к сокращению потребления углеводородов входят в противоречие с потребностями граждан большинства стран, лишённых необходимых энергоресурсов. Точечную повестку «малых дел» в ситуации хронического кризиса большинство развивающихся стран мира не могут реализовать без соответствующих ресурсов, без повышения темпов экономического роста, ведь это является базовым условием для любых успешных программ развития.

В сложившихся исторических обстоятельствах стало очевидно, что развивающиеся страны сами должны находить решения для новых проблем со своим ростом и развитием, а не ждать, пока их предложат западные «фабрики мысли». Китай, обладая значительным интеллектуальным потенциалом, стоит перед проблемой изменения используемой экономической модели, которая обеспечит стимулирование роста экономики при гарантированном сохра-

нении контроля за этим процессом со стороны Коммунистической партии Китая. В Индии происходит экономический разворот внутрь, формируется собственный интеллектуальный национализм, ориентированный на использование технологических достижений в политических целях. Актуальной задачей в этом отношении становится развитие национальными властями собственного открытого и уверенного в себе интеллектуального потенциала.

Что касается стран «первого мира», то показательными в отношении их видения будущего в Давосе стали выступления лидеров «первого мира». «Самый влиятельный в мире подросток», 16-летняя Грета Тунберг из Швеции, озвучила позицию, посвященную проблемам изменения климата с которой ранее уже выступала на саммите ООН. Она потребовала закрытия углеродной экономики, констатировала ухудшение ситуации с экологией, упрекнула США в том, что они вышли из Парижского соглашения о климате. “Дело в том, что выход США из Парижского соглашения по климату, похоже, возмущает и заставляет всех беспокоиться – и так и должно быть. Но также факт, что мы все находимся на грани нарушения обязательств, взятых вами после подписания Парижского соглашения, кажется, это даже в малейшей степени не беспокоит людей у власти.”

[1.] В противовес ей выступил президент США Дональд Трамп, который назвал глобальные изменения климата «выдумками учёных». В своей речи он рассказал о своей работе над улучшениями в сфере занятости, о росте заработной платы в стране, о подъеме макропоказателей и фондового рынка. По сути он рекламировал американскую модель нового национального протекционизма, призвал к игнорированию «чрезмерного» активизма защитников окружающей среды, и

напомнил, что предыдущие предупреждения о глобальном разрушении не осуществились. Трамп выступил с позиции, противоположной озвученной Тунберг - призвал использовать потенциал технологий и инноваций для решения многих мировых проблем, заявив, что прорывы, вызванные динамикой рыночной экономики, способны решить любую проблему. «Сейчас не время для пессимизма. Сейчас время для оптимизма», — заявил он.

Однако и Трамп и Тунберг говорили о будущем как о угрозе, с которой необходимо справиться во имя сохранения ценности существующего мира.

На фоне этого была представлена обобщающая прогностическая картина, в рамках которой восприятие противоречия позиций сторонника «сильного национального эгоистического государства» и антинациональной эколокации сводятся к ряду перспективных угроз. Автор этой картины, известный историк Юваль Ной Харари, утверждает, что «Мировой порядок сейчас похож на дом, в котором все живут, но никто его не чинит. Он может продержаться еще несколько лет, но если мы продолжим в том же духе, то вернемся в «джунгли». [2.]

Среди основных проблем, угрожающих выживанию человечества, он называет ядерную войну, экологический коллапс и технологический прорыв, связанный с технологиями будущего. Эти технологии могут разбалансировать человеческое общество и изменить сам смысл человеческой жизни разными способами — от создания мирового бесполезного класса до возникновения колониализма данных и цифровой диктатуры. Его логика заключается в том, что потрясения на социальном и экономическом уровнях будут вызваны автоматизацией, которая уничтожит рабочие места, поэтому вме-

сто борьбы с эксплуатацией в 21 веке люди будут бороться с «ненужностью». **Он утверждает, что «гораздо хуже быть ненужным, чем эксплуатируемым» - тем самым легитимируя существующую сегодня эксплуатацию как меньшее зло перед новой угрозой возникновения «бесполезного класса».** Следующей угрозой с его точки зрения стал искусственный интеллект, который принесёт богатство нескольким технологическим центрам, в то время как другие страны обанкротятся и превратятся в эксплуатируемые колонии данных. За этим последует расцвет цифровых диктатур, неустанно следящих за каждым и предугадывающих наши чувства, решения и способных принимать решения за нас. В результате этого люди потеряют контроль над собственными личностями, перестанут окончательно понимать государственную политику и влиять на неё.

Чтобы этого не произошло, считает Харари, необходимо выработать новое понимание реальности - преодолеть «философский кризис», суметь осмыслить и концептуализировать свое новое положение, что поможет научиться жить в изменившихся под влиянием новых коммуникативных технологий социальных условиях. В противном случае человечество может стать жертвой популистских «наивных утопий» либо оказаться навсегда запертым в «новом аду» кибертоталитаризма. Наконец, искусственный интеллект и биотехнологии пугают угрозами создания абсолютно новых, неорганических форм жизни на основе уже не естественного отбора, но разумного замысла. Это перспектива создания мира, в котором разумный замысел станет новой движущей силой эволюции, где возникает горизонт новых ошибок и связанных с ними угроз. Правительства и корпорации будут использовать технологии для уси-

ления необходимых им человеческих навыков, результатом чего может стать раса новых людей, лишенных духовного начала но дисциплинированных, организуемых и умных. **Харари констатирует, что справиться с этими проблемами в формате политик отдельных стран невозможно.**

При этом историк видит выход в синтезе глобализма и национализма: « Лидеры вроде президента США Дональда Трампа говорят нам, что между национализмом и глобализмом есть неотъемлемое противоречие, поэтому нужно выбрать национализм, но это опасная ошибка! Нет никакого противоречия между национализмом и глобализмом, потому что национализм — это не о том, чтобы ненавидеть иностранцев. Национализм — это о любви к своим согражданам, и в 21 веке, чтобы защитить безопасность своих сограждан, необходимо сотрудничать с иностранцами. Хороший националист 21 века должен быть и глобалистом. Глобализм — это не создание глобального правительства, отказ от всех народных традиций или открытие границ для бесконечных мигрантов. Глобализм — это подчинение некоторым глобальным правилам. Правилам, которые не отрицают уникальность каждого народа, а лишь регулируют отношения между ними.» [3.]

Харари утверждает, что в нынешнем мире опасность войны значительно уменьшилась, поскольку в последние десятилетия человечество создало либеральный мировой порядок, основанный на правилах, которые позволили войти в «самую процветающую и мирную эпоху в человеческой истории.»

В образе возможного будущего , которую представил Харари с целью повлиять на умы современников, можно увидеть концептуальное обобщение тех художественных образов буду-

щего, которые транслируются в медиа-средах современного мира на протяжении последних десятилетий.

Это своеобразная форма социально-философского популизма, сопровождающего господствующий политический популизм, на котором выросли как минимум два современных поколения развитых стран, а также ориентированных на них сообществ стран периферии и полупериферии. Это образы антиутопий, пересказанные в нашем случае на языке квази-научного дискурса. Они детализируют основные компоненты сконструированного в массовом сознании угрожающего образа будущего, который прежде компенсировал неопределенность реального будущего в период стабильности «холодной войны» – противостояния социальных систем. **Эти образы по своей социальной сути были инструментом управления социальными установками и представлениями масс посредством массовой культуры XX века. Они никогда не отражением реального будущего – качественно иного состояния миропорядка и мироустройства.** На этот факт сослался в своём давосском выступлении Д.Трампа.

Возможно ли исследовать реальное будущее до начала его появления, насколько в принципе возможно заглянуть за горизонт истории до того, как корабль современности пройдёт до этого горизонта необходимый путь – вопрос отдельный и не имеющий отношения к желанию знать будущее, благодаря которому процветает художественное творчество о нем. Но понимать характер самих образов и их потенциала относительно реального будущего имеет смысл. Во всяком случае принимать эти образы «за чистую монету» следует с осторожностью – даже если они звучат из уст людей, с трибуны ООН и Да-

воса. Логичным будет рассмотреть место образов будущего в реальном настоящем, которое порождает реальное будущее.

Следует заметить, что в современной гуманитаристике широкое распространение получило изучение различного рода «образов» – «образа человека», «образа культуры», и т.д. **Это обозначение позволяет исследователю включить в ракурс своего рассмотрения не только то, что, собственно, представляет собой предмет изучения, но и то, как этот предмет видится в определенной социокультурной обстановке.** С одной стороны, эта тенденция отражает стремление современной культуры к визуализации функционирующих в ней понятий, даже в тех областях, где традиционно господствовало слово. С другой стороны в этом проявляется необходимость оперирования не только знанием о предмете, получаемым в результате научного исследования, но и знанием о нем, которое формируется в коммуникативных средах разного рода, включающих носителей самого разного рода интересов и соответствующих им познавательных стратегий.

Смещение акцентов от слова к образу отображает также и более фундаментальный процесс образования нового, синкретичного видения реальности.

Опираясь на новые средства представления знания, человечество стремится к тому, чтобы перейти от аналитической картины реальности, образованной в результате её познания в рамках предметов отдельных наук, к новой картине мировидения, где мир представал бы сознанию в единстве и органичной целостности. Кроме того, здесь проявляется также установка социального познания на феноменологический тезис о «самоочевидности сущего», согласно которого каждый

предмет и процесс непосредственно раскрывает себя в некоторых явлениях жизненного мира, что сущность предмета мышления проявляет себя через его видимость.

Одним из проявлений указанной исследовательской установки является появление в социально-философском дискурсе понятия «образ будущего». Одним из первых, кто стал использовать это словосочетание в качестве самостоятельной категории называют нидерландского социолога Ф. Полака. В своей работе 1961 года «The Image of the Future» он определил «образ будущего» как позитивную модель ожидаемого будущего, проводя аналогии между образами будущего, существующими в нашем сознании, и образами искусства. Подчеркивая образный, а не рациональный характер представлений о будущем, он писал: «Искусство – высокочувствительный культурный барометр. Это не только индикатор настоящего, но и прогнозист будущего. Образ будущего, представляемый искусством, имеет решающее значение для понимания будущего развития культуры. На деле искусство и есть образ будущего» [4.]

Образы будущего позволяют, по Полаку, зримо вообразить возможные перспективы, убедительность которых основывается на свободе фантазии в противовес рациональной ограниченности расчета.

Несмотря на то, что книга Полака осталась почти незамеченной современниками, сама идея выделения в настоящем состоянии культуры комплексных образов будущего нашла продолжение. Схожие с Полаком мысли о приоритете художественного представления будущего высказывал польский фантаст и ученый С. Лем, указывая это как «одну из наиболее значительных для научной фантастики тем». В книге «Фантастика и футурология»

он пишет: «Научная фантастика в предложенном диапазоне проблем в состоянии создать сюжеты, подтверждающие определенные формы осуществления автоэволюции, а также предостеречь нас, прогнозируя те коллизии, которые ждут нас, если культура, сняв охрану с аксиологии и со входа в лабиринты произвольных трансформаций человека, позволит овладеть нами технологическому прогрессу...» [5.]

Для Полака, как и для Лемма важна корреляция существующего в сознании образа будущего и реального будущего, которое наступит. Этот же подход, подразумевающий, что «существующие в нашем сознании образы будущего способны оказывать активное воздействие на реальный ход событий», можно встретить в работах Р.Мертон [6.], современных исследованиях будущего (futures studies).

В рамках такого понимания умозрительные образы будущего в социальном конструктивизме способны «не просто отражать мир, ожидать и выжидать (с опущенными руками и блуждающим спекулятивным взглядом) будущее (каким оно будет?), но созидать ближайшую и более отдаленную социальную среду и конструировать желаемое будущее; не столько жить настоящим, сколько жить, понимая различные варианты путей в будущее, имея различные образы будущего.» [7.]

Следует заметить, что имеющиеся в медийном употреблении «образы будущего» значимы для исследования социального настоящего вне зависимости от того, насколько удачным оказался его прогностический потенциал. Это понятие целесообразно использовать также для указания на обобщенную модель будущего, которая функционирует в конкретном обществе конкретного времени. В данном словосочетании «об-

раз» обозначает не только и не столько художественный образ, закрепляющий воззрения на будущее в произведениях искусства, а скорее умозрительность и целостность представлений о будущем. **По существу, образ будущего – это обобщение, которое производит исследователь, тем или иным способом выделяющий медиану ожиданий отдельных социальных групп, общества в целом, в конкретной исторической и социокультурной ситуации.**

Понятие «образ будущего» соотносимо также с теорией возможных миров, которая сегодня активно развивается в области семантики и модальной логики. Отталкиваясь от идей Г.В. Лейбница о бесконечном множестве вариантов возможных миров, содержащихся в божественном разуме, и идеи И. Канта о релятивизме возможного по отношению к действительному, основоположник семантики возможных миров Я. Хинтикка определяет их как «возможные направления развития событий» [8.]. Концепт возможных миров в полной мере раскрывает свой потенциал по отношению к будущему. Будущее всегда множество альтернатив, его образует бесконечное количество возможных состояний, возможных миров. Однако как верно заметил Хинтикка в статье «В защиту невозможных возможных миров»: «...не все возможные миры равно важны для наших целей». [9.] С этой позиции образ или образы будущего функционирующие в обществе отражают выбор миров, возможность которых представляется предпочтительной с точки зрения его как представителя некоторой референтной группы, сообщества носителей определенного социального интереса. **Семантика возможных миров, утверждающая ограниченность множества миров контекстом речевого акта, может быть рассмотрена как частный случай общекультурного выбо-**

ра привилегированных возможностей, отражающегося в образах будущего.

Мы видим определенные параллели между понятиями «образ будущего» и «социальное воображаемое» К. Касториадиса. Последнее не есть образ чего-то существующего, а представляет собой «необусловленное творчество» в социально-исторической области [10.]. **Образ будущего видится по аналогии с «социальным воображаемым» как отражение социальных устремлений, надежд или страхов перед будущим, как интуиция социальных возможностей.** Однако здесь следует иметь в виду, что Касториадис связывает свое «социальное воображаемое» с особенностями человеческой психики (автономизация субъекта), а не со спецификой социума. По его мнению, «социальное воображаемое» – это среднее между свободой индивидуальной фантазии и репрессивным нормированием ее со стороны социума. Имеет смысл употреблять понятие «образ будущего» для обозначения определенных позиций во взглядах на будущее, характерных для конкретных социальных групп. Однако природу образа будущего, на наш взгляд, следует искать не в области индивидуальной психологии, а скорее в «коллективном бессознательном» (в интерпретации Лакана) и феноменах общественного сознания.

Таким образом, понятие «образ будущего» можно понимать как относительно целостную картину будущего, которая вырабатывается в определенное время у определенного социума. Он формируется на базе тех мыслей и чувств, которые вызывает будущее в группах современников. В отличие от конкретных прогнозов, например, в области развития науки или политики, комплексные социальные прогнозы никогда не оправдываются, что свидетельству-

ет о возможности рационального расчета отдельных тенденций в процессе развития человечества, но невозможности создания на научной основе целостной перспективной картины мира. Поэтому в нашем определении **«образ будущего» – это элемент социальной реальности, элемент настоящего, который выражает видение данным социумом темпорального горизонта социальных возможностей.**

Образ будущего интересен не тем, что в какой-то степени предвосхищает или направляет будущее, а тем, что он характеризует настоящее, в котором функционирует. Достаточно подробно связь картин будущего с социокультурным контекстом их возникновения прослежена в исследованиях утопического нарратива. Из нее следует и интересующая нас обратная взаимосвязь – образ будущего как некий социальный проект, ожидание желательной или нежелательной, но вероятной перспективы, может служить одним из существенных параметров для характеристики порождающей его социальной реальности, проявленной в политическом и общесоциальном дискурсах. В этом аспекте своего существования образы будущего представляют собой важный фактор общественно-политической жизни, поскольку выступают аргументом в борьбе интересов различных социальных акторов.

Образ будущего выступает также средством культурной гегемонии в сфере общественной идеологии. Анализ конкретного образа будущего является, по сути, анализом акта конкретного социального действия – акта социального конструирования, включающего этот образ как внутреннюю форму изменения тех социальных условий, на которые направлен этот акт. В то же время такой анализ как процесс представляет собой осмыс-

ление конкретного социального выбора, предпочтений конкретной социокультурной среды в пользу того или иного возможного мира. При этом соответствует этот выбор действительным интересам тех, кто его осуществляет или нет – вопрос отдельный, связанный с уровнем и характером рациональности, присущей актору как агенту социального действия.

Способность соотносить имеющиеся в медийном обороте образы будущего со своими жизненными интересами, со своими реальными потребностями, определяет степень того, насколько носители этой способности подвержены манипуляции. С другой стороны, способность к выработке такого образа в соответствии со своими интересами определяет способность как к их более глубокому осмыслению, так и к выработке на этой основе собственной социальной идеологии. Последнее выступает необходимым условием программной политической деятельности по практическому достижению социальных изменений в соответствии со своими интересами – созданию собственного реального будущего. **Иными словами, наличие образа будущего – необходимое условие для политической эффективности деятельности в собственных интересах, а не в интересах других общественных групп.** Ближайшая история постсоветских обществ наполнена примерами обратного – то «стояли не за те», то «нас обманули», то «как же так», в конечном итоге периодически убеждаясь, что захватывающие и эффективные политические процессы приводили к последствиям, прямо противоположным от ожидавшихся.

В последние годы обострилась конфликтность различных образов будущего – это процесс достиг своей крайней точки выражения в политических позициях поли-

тиков, решающих и обсуждающих наиболее общие международные проблемы.

Современные альтернативные образы будущего одинаково устрашающи – представляется было бы одинаково неуютно жить как в мире «государств-акул», так и в мире «глобального экототалитаризма».

Они актуализированы в массовом сознании, поскольку отражают возникший в эпоху неолиберализма уровень социального неравенства как неизбежную и законченную форму социальной организации на ближайшее будущее, тем самым консервируя породивший их социальный мир. Это образы выражают доведённую до крайности социальную реальность XX века, все исторические коллизии которого вынуждали капитал к развитию конфликтующих эгоистичных национальных государств и столь же эгоистичных транснациональных корпораций. Такая альтернатива неизбежно порождает попытки выйти из замкнутого круга – но эти попытки могут быть разными. Религиозный и политический экстремизм, а также этнонационализм стали вариантами ответа на проблему социального неравенства.

Наличие этих образов в сознании людей позволяет, с одной стороны манипулировать массами, а с другой – позволяет процветать популизму. Популизм обещает сохранить тот мир, который исторически себя исчерпал. Наблюдая за теми, кто увлечён популистскими образами будущего, поневоле вспоминается фраза, произнесённая в мае 2000 года Джорджем Соросом в момент начала экономического кризиса: «Музыка уже кончилась, а эти ещё танцуют».

Успех популистских политиков - следствие того, что знание о социальных процессах в массовой коммуникации отсутствует, оно заменено симулякрами – художественны-

ми образами, метафорами, которые затем развернуты в виде понятийных конструкций. Люди таким образом мыслят «реальность из головы». Это состояние легитимируется от имени науки теориями, доказывающими невозможность сознательной социальной активности масс, интерпретирующих их как слепую, биологически детерминированную субстанцию исторических изменений - своеобразную инертную «социальную материю», приводимую в движение «социальным сознанием» узких элитных групп. Однако такое объяснение практически приемлемо, действительно лишь когда общества стабильны, когда формы их организации позволяют удовлетворять исторически существующие потребности живущих людей.

Когда же потенциал существующей социальной системы исторически исчерпывается, когда возникают новые потребности – прежде всего социальные, симуляции становятся препятствием для изменений. Неожиданно для носителей прежнего видения общественной жизни от осознанного поведения «человека массы» начинают зависеть критически важные социальные процессы, творящие новую социальную реальность. Происходит «восстание масс» - формы осознания «маленьким человеком» его социального действия оказываются значимыми для жизни общества в целом. Вероятно, человечество входит именно в такой, революционный период. Оживление попыток создания массовых идеологий экологического, националистического, сциентистского, религиозного толка, возрождение самого пространства борьбы идей – одно из проявлений такого нового состояния современного человечества.

То, что дискуссия о будущем опирается большей частью на созданные ранее его

художественные образы, свидетельствует также о том, что свою работу не выполняют гуманитарии. **Новое социальное мышление может быть выработано на основе усвоения исторического материала XX века в целом и ближайших десятилетий в частности. На век нынешний мы всё ещё смотрим глазами века ушедшего, пытаемся жить по его нормам и правилам. В частности, используемые сегодня социально-теоретические познавательные средства направлены на рефлексию социальных процессов национального и транснационального уровней.** Теоретического основания для изучения процессов «среднего» - континентального уровня не выработано. Потребности же в таких теориях, которые выражали бы континентальные экономические политические социокультурные специфические черты социальных процессов современности, безусловно, существуют. Выработать совместное видение реалий континентального уровня, возникших в процессе кризиса мироустройства конца XX-начала XXI века, необходимо для того, чтобы стали возможны совместные политики относительно тех проблем, которые не являются по своему существу ни национальными ни глобальными. Это не те проблемы, о которых говорят Харари, Трамп или экоактивисты.

Первая проблема — бедность. Распад прежнего миропорядка, основанного на деятельности социальных государств с экономикой индустриального типа, нанес тяжёлый удар по всем странам континента. Экономика всех стран значительно упала, а государственные доходы резко уменьшились. Для будущего самой главной неопределённостью является неудовлетворённость народов своим уровнем жизни и перспективой его повышения. Люди не принимают такого мироустройства, где по состоянию на начало 2020г. совокуп-

ное богатство 500 самых богатых людей в мире составляет \$5,9 трлн, оно выросло почти на 25% или на \$1,2 трлн только за один год. Как гласит китайская поговорка, вода может как нести лодку, так и опрокинуть её. Когда народы дойдут до определённой степени бедности, их жизнь станет невыносимой, тогда государства могут рухнуть. И проблема эта стара как мир. Средства и желающие осуществить обрушение государства, каким бы оно себе ни казалось сильным, всегда находятся. Богатство одних и бедность других формируют противоположные интересы в отношении социального порядка, несправедливость всегда формируют своего могильщика – история полна тому примеров. Поэтому эта проблема оказывает прямое влияние на будущее континента.

Вторая проблема - возвращение авторитарной политики. Если рассматривать предыдущие пути развития стран континента, можно отметить стремление к демократизации и либерализации, а также к укреплению выборной системы. В нынешней ситуации наблюдается тенденция к возвращению авторитарной политики, возвращение к тирании политической и экономической власти, которая перестаёт принимать во внимание какую бы ни было реальность вне самих себя. Вся жизнь сообществ-стран начинает восприниматься как имеющая исключительно экономические и политические цели. Это может стать роковой проблемой, поскольку узурпация власти неизбежно приведёт к жёсткой оппозиционности социальных классов и других групп, а также к неопределённости власти. Если у власти будут стоять неспособные и слабые политики, страны могут быть разрушены стихийными движениями.

Третья проблема – деиндустриализация, разрушение промышленности, кризис

индустриального уклада экономик. В нынешних исторических условиях основой богатства народов континента, основой мощи сильного социального государства может быть лишь развитая экономика промышленного, индустриального типа. Можно видеть что, начиная с периода новой и новейшей истории, все сильные страны проходили через одинаковые этапы развития. Но в последние десятилетия по всему комплексу промышленности наносятся удары. В 2019 г. спад мировой экономики не прекратился, а только углубился повсеместно - от Европы до Азии.

В ряде стран континента это привело к краху всего промышленного комплекса. Они превратились из промышленных держав в страны-экспортеры природных ресурсов. Это представляет для них самую большую проблему, поскольку зависимость от ресурсов и энергии является наиболее нестабильной. Как только цена на ресурсы упадет, это будет иметь разрушительные последствия для экономики, поэтому этот вопрос также играет важную роль для будущего континента.

Четвертая проблема - демографическая угроза, демографический застой. Население продолжает сокращаться, а рождаемость - снижаться. Этот вопрос остаётся нерешенным. Если численность населения продолжит и дальше сокращаться, то перспективы можно назвать довольно мрачными. Эта проблема и сейчас выглядит нерешаемой. Поэтому в будущем многие страны континента могут оказаться на грани катастрофы.

Основная стратегия континентального развития должна быть направлена на решение этих проблем, а не борьбу с ветряными мельницами сегодняшних противоречивых образов будущего. В современных технологических и социальных

условиях это возможно лишь на пути выработки взаимно ответственных согласованных программ экономического и политического развития всех стран континента как единого социального целого. Для этого необходимо выработать новое континентальное мышление, способное помыслить континент как социальную целостность - речь не идет о образе нового «единого государства» или гомогенного дезорганизованного мира «безгосударственных» общин. Дело не в политическом устройстве.

Программы должны быть направлены на запуск нового индустриального цикла в экономиках, а также возрождение социально ответственной государственности в политике с ориентацией государств на социальные потребности всех народов континента. Это возможно лишь на основе движения в направлении развития социальной ответственности капитала, что требует согласованной политики ограничения влияния частной собственности. Такие задачи предполагают изменение этоса политических отношений на межстрановом уровне. Существует лишь один путь осознанного отказа от наращивания потенциала взаимных угроз, взаимной подозрительности, высокомерия, попыток «наказывать» и поучать друг друга.

Мир находится в точке создания условий, которые определяют его новую судьбу. Да, вся практика последнего исторического периода свидетельствует о невозможности нового континентального мышления - но разум для того и дан человеку, чтобы создавать действительно новые условия своего существования. По его природе человеку дана способность создавать новые миры, избавляться от проблем собственному существованию, а не лишь слепо жить, следуя логике сформированных ранее исторических обстоятельств.

Но для этого необходимо адекватное понимание ситуации и воля к её изменению. Это формируется с объективной стороны изменением исторических условия, а с субъективной – развитием социально-философской и социологической мысли.

Процессы социального мышления на континенте выстроены на основе использования образов и понятий, которые были выработаны в тех исторических условиях, которые исторически уходят в прошлое.

Выработать новое видение собственного будущего в рамках единого пока что не удалось – социальное мышление захвачено политическими конфликтами и проблемами удержания идентичностей. Чтобы осознать уровень некомпетентности нужно поставить перед собой именно эту задачу. Следуя традиции европейского картезианства необходимо поставить под сомнение весь имеющийся корпус социального знания и процедур социального мышления, связанный с решением конкретных социальных, политических, экономических и военных задач XX века и рассмотреть его с точки зрения новых вызовов. Развитие процедур сбора информации – бигдата, развитие средств манипулирования большими массивами данных играет злую шутку с социальным мышлением, создавая иллюзию того, что социальные процессы и феномены доступны к познанию исключительно путем арифметических манипуляций с массивами данных о поведении людей. Чем больше информации, тем меньше знания – заметил Жан Бодрийяр, говоря о специфике современного общества. Необходимо быть критичными прежде всего к себе и выявить то, чего мы не знаем об актуальных социальных процессах. Выход из герметичного мира социальной симуляции и возврат к социальности возможен. Для этого нужно поставить под фундаменталь-

ное сомнение собственное видение социальной реальности. Это возможно сделать, посмотрев на собственные взгляды и представления как такие, которые были выработаны в контексте той ближайшей истории, где они функционировали, задавшись вопросом о причинах того, почему они перестали быть эффективными.

Необходимо увидеть движение социальных сил, осознав какие противоречия взорвали тот порядок, который еще недавно выглядел нерушимым. Не сделав этого, мы будем мыслить ситуацию таким образом, что кризис социального порядка требует лишь больших усилий для своего удержания. В этом случае наше мышление будет носить реакционный характер, не будет связано с перспективой изменений, а позиция, вырабатываемая в результате деятельности такого мышления, не будет иметь исторической перспективы, будет связана не с будущим, а с прошлым.

Новый образ будущего как пространство социального смыслополагания может быть выработан на основе нового образа мышления, необходимость которого в последние десятилетия все больше осознается социальными мыслителями современности.

В социальной философии и теоретической социологии наметился «онтологический поворот» - стремление мыслить реальность так, как она существует вне сложившихся способов социального мышления. [11.] Идёт поиск оснований нового социального мышления, это открытый процесс, не ориентированный на догматику «рыночного капитализма» и лишенный предубеждения к каким-либо социальным и политическим фетишам. В этом смысле попытки вернуться к прежним социальным концепциям, «очевидностям» массового сознания, пока выглядят скорее

как реакция на изменившиеся условия, чем как устойчивые основания для разрешения сложившихся проблем и противоречий. Эта реакция больше углубляет проблемы, чем их разрешает – хотя это тоже необходимый момент развития.

Нидерландский философ Робин ван ден Аккер и норвежский теоретик медиа Тимотеус Вермюлен в своем эссе «Заметки о метамодернизме» [12.], которое в 2010 году было опубликовано в «Journal of Aesthetics & Culture», предложили новую культурологическую идею «осциляции» между модерном и традиционализмом. Сам факт появления этой идеи выражает необходимость как-то мыслить в единстве различные концепты отношения к миру и его видения.

Метамодернизм с точки зрения его авторов приходит на смену модернизму в культурах современных обществ. Поскольку постмодернизм характеризовался такими чертами, как деконструкция, ирония, стилизация, релятивизм, нигилизм и отречение от общих концепций, дискурс о сущности метамодернизма охватывает процесс возрождения искренности, надежды, романтизма, влечения и возврата к общим концепциям и универсальным истинам до тех пор, пока мы не лишимся всего того, что было усвоено нами в рамках культуры постмодернизма. Использование приставки «мета» берет свое происхождение из платоновского термина *metaxis*, описывающего колебание и одновременность между двумя абсолютно противоположными понятиями. Вместо ознаменования возврата к наивным идеологическим позициям модернизма, метамодернизм провозглашает, что наше время находится в состоянии колебания между аспектами культур модернизма и постмодернизма. Согласно идеям Вермюлена и ван дер Аккера, свойство колебания метамодерниз-

ма не должно рассматриваться как некий баланс: «скорее, это маятник, раскачивающийся между 2,3,5,10, бесчисленными множествами полюсов. Каждый раз, когда энтузиазм метамодернизма качается в сторону фанатизма, серьезность направляет его обратно к иронии; в этот же момент ирония колеблется в сторону апатии, и тогда серьезность (равновесная сила) движет ее обратно в сторону энтузиазма».

Китайские мыслители и политики предложили свою программу видения совместного будущего - «создание сообщества общей судьбы человечества, осуществление взаимного выигрыша и совместного использования», которая предполагает формирование нового чувства общности народов мира. «Сообщество единой судьбы человечества» тесно связано с такими конфуцианскими концепциями, как «гармония – наивысшая ценность», «великое единение» и «гармония между небом и человеком». Конфуций понимает мир как единую большую семью, его идея «между четырьмя морями все люди – братья» прослеживается в докладе председателя Си Цзиньпина на 19-м съезде Коммунистической партии Китая в 2017 г., где он и объявил о строительстве концепции «сообщества единой судьбы человечества». Концепция предполагает перестройку основного восприятия и понимания международной системы, образования принципиально новых отношений между странами. Для этого нужно открыть новый путь обменов между странами, поощрять страны к континентальной интеграции вопреки объединению в блоки. Это возможно на основе сотрудничества вопреки противостоянию, для чего нужно образовать сеть партнерства в масштабе всего мира. Чтобы создать сообщество общей судьбы человечества, необходимо построить международные отношения нового типа, которые строи-

лись бы вне рамки бинарных оппозиций. Концепция представляют собой стратегическое видение Китая на глобальное управление и международные отношения, которое основано на традиционной культурной основе. Однако значение «общества единой судьбы человечества» остается неясным по смыслу и ряд вопросов нерешенным. Можно прогнозировать, что научный мир будет вести дискуссию в отношении того, как концепция способствует решению проблем взаимодействия КНР и стран участниц, каким образом устранить политическое и стратегическое недоверия между ними и привести международное сообщество к понимаю идеи «между четырьмя морями все люди – братья» и построению единой судьбы для всего человечества. [13.]

Перспективным с точки зрения предмета нашего рассмотрения выглядит также проект, который развивает академик С.А. Смирнов. Он исходит из того, что необходимо выработать новую логику смыслополагания, исходя из того, что «... мы можем мыслить субстанционально, а можем мыслить процессуально. Эти два способа организовывать нашу деятельность смыслополагания равнозначны в том смысле, что каждый из них от начала до конца исполняет необходимые задачи...» Образ мышления, который строится на том постулате, что мир – это не проявляющая себя субстанция, а процесс, постепенно восстанавливает свои права в гуманитарной мысли. «Логика процессуальности - это логика перехода-к-противоположности, логика сцепленности со своей процессуальной противоположностью. Здесь для нас важен не деятель сам-по себе, а как связанный с претерпеванием» [14.]

Проблема развития нового образа мышления выглядит так, что необходимо

мыслить противоречие – уже невозможно отбрасывать одно во имя другого, необходимо удерживать их живую связь в процессуальности их одновременного существования. В логике историко-философского дискурса сегодня кризис образов будущего выглядит как возвращение к формальному, «механическому» представлению о диалектике, когда стороны противоречия – «одно» и «другое», мыслятся сосуществующими во внешней взаимосвязи. То, что считалось взаимоисключающим, необходимо мыслить процессуально, что предполагает другой способ социального мышления. Это возможно если мы мыслим исторический процесс в единстве его сторон как процесс само-порождения нового состояния человеческих сообществ соответственно возникшим новым условиям и средствам их существования.

Новый образ социального мышления призван увидеть в качестве взаимосвязанных сторон единого исторического процесса те действительные перспективы, которые в существующих сегодня образах будущего формально противопоставлены друг другу и выглядят как взаимоисключающие. Увидев их взаимосвязанность взаимную необходимость можно открыть перспективу выхода из конфликта.

Возможно, события предстоящего года, в котором отмечается 250-летие со дня рождения Г.В.Ф.Гегеля, приведут к возрождению в новых исторических условиях древнейшей традиции социального мышления – диалектики. На этой основе, возможно, будет выработан/актуализирован новый образ мышления, открывающий путь к действительному разрешению тех противоречий, которые представлены в нашем сознании как неразрешимые, взаимоисключающие варианты будущего.